

(«Личностный рост» ($t_3 = 1,92$, при $p \leq 0,1$), «Вовлеченность» (3,30, при $p \leq 0,01$)); их характеризует наличие целей в будущем, которые придают их жизни осмысленность, направленность и временную перспективу («Цели в жизни» (СЖО) (2,41, при $p \leq 0,05$), «Цель в жизни» (4,60, при $p \leq 0,01$) (ПБ)); для респондентов, оценивающих среду более позитивно, свойственен более высокий показатель психологического благополучия (3,45, при $p \leq 0,01$); респонденты первой группы верят в удачу больше, чем респонденты второй группы, у них есть представления о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле, они убеждены в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь, рассматривают жизнь как способ приобретения опыта, готовы действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, на свой страх и риск, считая стремление к простому комфорту и безопасности, обедняющим жизнь личности, регулируют собственное поведение и оценивают себя, исходя из собственных стандартов, положительно относятся к самому к себе («Убеждение относительно собственной ценности» (1,80, при $p \leq 0,1$), «Степень удачи» (1,73, при $p \leq 0,1$), «Контроль» (2,90, при $p \leq 0,01$), «Принятие риска» (2,63, при $p \leq 0,05$), «Локус контроля – Я» (2,48, при $p \leq 0,05$), «Локус контроля – Жизнь» (2,38, при $p \leq 0,05$), «Автономия» (1,94, при $p \leq 0,1$), «Управление окружением» (3,73, при $p \leq 0,01$), «Самопринятие» (3,57, при $p \leq 0,01$)), кроме того, они оценивают себя как целеустремленных, воспринимающих процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом, и испытывают по поводу своей жизни и событий, в ней происходящих, скорее положительные, чем отрицательные эмоции («Общий показатель (ОЖ)» (2,94, при $p \leq 0,01$), «Эмоциональная насыщенность» (2,36, при $p \leq 0,05$), «Осмысленность жизни» (3,92, при $p \leq 0,01$), «Баланс аффекта» (3,56, при $p \leq 0,01$)).

Далее в результате корреляционного анализа данных методик «СЖО», «Базовые убеждения», «Шкала психологического благополучия», «Жизнестойкость» и методик, направленных на выявление степени оценки среды жизнедеятельности («Самооценка», «Насыщенность жизни», «Оценка региона») выявлено: респонденты с субъективно неэкстремальной оценкой среды проживания, воспринимая мир как благосклонный, наполненный смыслом, рассматривают жизнь как способ приобретения опыта, готовы действовать в отсутствие надежных гарантий успеха, ощущают, что жизнь им подконтрольна, стремятся развиваться, позитивно относятся к самому себе, открыты новому опыту, им присуще наличие целей в жизни. Они ощущают свою ценность в мире и, вероятно, поэтому получают удовольствие от своей деятельности, субъективно удовлетворены жизнью, ощущают себя счастливыми.

Тогда как респондентам, оценивающим регион более негативно, для того, чтобы ощущать свою ценность в мире, положительно относиться к другим людям, видеть наличие целей в будущем, чувствовать осмысленность своей жизни, быть открытым новому опыту, обладать высокой самооценкой, положительно оценивать регион, необходимо, чтобы мир был к ним благосклонен, справедлив; чтобы чувствовать независимость, быть довольным жизнью в регионе, респондентам необходимо понимать осмысленность мира. Им важно ощущать свою ценность в мире, для того чтобы рассматривать жизнь как способ приобретения опыта, видеть наличие целей в будущем, воспринимать процесс своей жизни как эмоционально насыщенный, иметь представление о себе как о сильной личности, контролировать свою жизнь, иметь положительное отношение к себе, оценивать свою жизнь как интересную.

Таким образом, по результатам анализа взаимосвязи между психологическими особенностями личности и субъективной оценкой региона выявлено, что для респондентов, оценивающих регион жизнедеятельности более позитивно, комфортное нахождение в среде базируется на извлечении опыта из негативных ситуаций, на вере в себя и в свои силы, а также на возможности обращаться к окружающим за помощью, переживании психологического благополучия и счастья, тогда как для респондентов с более негативной оценкой региона комфортное нахождение в среде основывается на амбивалентных отношениях с окружающими и к окружающим (ожидание положительного отношения наряду с недостаточным доверием к миру), на противоречивых оценках себя (необходимостью чувствовать себя счастливым и успешным наряду с оценкой среды как недостаточно способствующей достижению целей и успехов).

Можно предположить, что при разной субъективной оценке региона наблюдаются различные психологические особенности личности, проявляющиеся, в частности, в показателях осмысленности жизни, психологического благополучия, эмоциональной насыщенности, самооценки и в выраженности базовых убеждений относительно себя, мира и окружающих, а также

в их взаимосвязи. Вероятно, субъективная оценка может выступать своеобразным критерием определения параметров качества жизни в экстремальной среде жизнедеятельности, вместе с тем, данное предположение требует глубокой эмпирической проверки.

1. *Ширяева О. С.* Оценка экстремальной среды региона: субъективные и объективные параметры // «О Камчатке: ее пределах и состоянии...»: материалы XXIX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 271–274.

2. *Ширяева О. С.* Субъектно-средовый подход к проблеме взаимодействия человека и среды // 6-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы (Москва, 25–26 окт. 2012 г.) / науч. ред. М. О. Мдивани. М.: ФГНУ «Психологический институт» РАО, 2012. С. 442–443.

3. *Ширяева О. С., Кондрашенкова С. В., Сурикова Я. А.* Личность и экстремальная среда: от выживания к полноценному функционированию // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2012. № 5. С. 233–239.

А. П. Яркв О «ЛАДЕЙНОМ ДЕРЕВЕ» И ПРИПЛЫВШИХ «ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ»

Из дали прошедшего (со времени описываемых ниже событий) трудно, а точнее – нельзя судить людей, которые волей обстоятельств (часто без желания) пришли «иноземцами» на сибирскую землю. Это касается и особой группы из военнопленных («вязней»), «самоходов», ссыльных («опальных»), переведенных по службе и наемников, просуществовавшей (вернее, полноценно жившей) почти 150 лет в азиатской части Русского государства и в абсолютном большинстве активно способствовавших его превращению в Российское.

Речь идет об особой категории служилых людей (понимая разницу служилых людей: «по отечеству» – бояре, окольничие, думные дворяне и дьяки, стольники, стряпчие, московские и выборные дворяне, дети боярские; «по прибору» – стрельцы, пушкарки, казаки (в т. ч. беломестные), солдаты, драгуны, рейтары, затинщики, государственные ремесленники и др.), будем помнить, что «литвины» могли позднее причислены к разным группам – «литве» (литвины / литовцы / казаки литовского списка), о наименовании которых можно однозначно говорить лишь в плане указания на места первоначального исхода их большинства. Пройдя испытание временем и обстоятельствами, они разделили с другими людьми, населявшими Сибирь и Дальний Восток в XVI–XVIII вв., все тяготы жизни и перипетии истории. Понятие «литва» появилось в Позднее Средневековье, являясь не этнонимом (среди «литвы» встречались ханты и другие «природные» сибиряки. Да и не может этнос состоять только из мужчин, какими являлись все «литвины»), а политонимом, обозначая сначала подданных Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой.

Дружина, сильно поредевшая после смерти Ермака, оказалась бы не в состоянии отстоять завоеванное, если бы последующее политическое продвижение государства не совпало с желанием россиян и иностранцев получить новые возможности: в карьере, торговле, ремеслах, наделы и угодья. После окончания Ливонской войны у Москвы появилась возможность помочь сподвижникам Ермака. Среди них оказался Матвей (Матьяш) Угреин, который при Иване Грозном въехал в Москву «из Литовски земли», «а как де Ярмак с товарищи Сибирь взял», то послан в Тобольск и служил «лет с пятьдесят в литовском списке». Встречались и предатели, подобные Якобу Григорьеву, сбежавшему из Тобольска (при правлении земляка – В. М. Рубец-Мосальского) к Кучуму, у которого прослужил десять лет. Примечательно, что сопровождал в Москву плененного Григорьева другой «литвин» – Иван Залесский (5, с. 183).

Встречая сопротивление Кучума и его потомков, правительство решило закрепить сначала на северных территориях. Попутно шла промысловая колонизация: во главе отряда поморов прошел в 1597 г. на кочах сквозь льды в устье Оби «пан литовский полоненик» Юрий Долгушин (только в 1619 г. царь Михаил Романов запретил «путь Долгушина» из Поморья в Мангазею для «непрощенных гостей» – иностранных купцов и контрабандистов) (1, с. 10).

Главной целью землепроходцев была пушнина – наиважнейшая валютная статья дохода государства, поэтому «литву» активно использовали для объясачивания местного населения и, попутно, «проведания новых земель». В то время почти вся Сибирь не представляла интереса для земледельцев, а на севере это территория беспашенная, но богатая «мягким руном». В устье Оби под

руководством воеводы Н. В. Траханиотова заложен Носовой (Низовой / Назовской) острог, ставший перевалочным путем торговых караванов и форпостом для служилых людей и промышленников, продвигавшихся берегом «Студеного моря» (8). По этой же причине появилась Мангазея – фактория, а затем первый город на Ямале – в нижнем течении р. Таз у впадения р. Мангазейки (Осетровки), где оказались уже упомянутые белорусы Ю. Долгушин и князь В. М. Рубец-Мосальский (1, с. 5, 11). В 1600 г. первая экспедиция атамана М. Перфильева лишь разведала, а вторая (1601) под началом князя В. М. Рубца-Мосальского и письменного головы боярина С. Е. Пушкина уже построила воеводский двор, съезжую избу, амбары и Троицкую церковь. Сюда обычно попадали морем, но к 1619 г. правительство, недовольное беспощинным вывозом пушнины, обеспокоенное попытками английских и голландских купцов и мореходов, наслышанных о «златокопящей Мангазее», проложить путь на Обь и Енисей, запретило Мангазейский морской ход. Постоянное население небольшое, хотя с зимующими промышленниками, составляло небывалое для того времени и широт число, куда входил и «литвин» подьячий Никита Чаплин. Из-за постоянной военной опасности, исходившей от ненецких племен; оскудения соболиных угодий; резкого похолодания 1650–1680-х гг. в Арктике; смещения основных путей продвижения в Восточную Сибирь и в южные районы, Мангазея оставлена населением. На месте города осталась одна жилая постройка и часовня.

Перебрались с Ямала и «литвины», которых в гарнизоне Новой Мангазеи (Туруханска) в 1676 г. насчитывалось семь (известных как выходцев из Речи Посполитой), но отделенных в списке от четырех других «иностранцев» (5, с. 150). Таким образом, «литва» и в глубине России оказалась зависима от Большой Политики. Еще в 1619 г. «сосланные литовские пахолки должны были быть возвращены для размена пленными с поляками». Вернуться захотели не все: «17 человек крестились и бьют челом, чтобы им остаться в Сибири на государевой службе» (6, с. 11).

«Литвины» из-за недостатка славянок иногда женились на представительницах аборигенного или коренного населения, а их крещеные с младенчества в православие сыновья-метисы (именованные «русским прижитком») верстались в отцовскую службу, но зачастую более успешную и выгодную (толмач имел денежный оклад в 7 руб. 25 коп., тогда как пятидесятник 5 руб. 25 коп.), поскольку знали «природные» языки отцов и матерей, их культуру и традиции. Дочери «литвин» не числились в списках, но были несвободны при выборе суженого – решали отцы и, как правило, в пользу сослуживцев. Это и житейски оправданно: по ментальности и укладу быта «литва» отличалась от остальных сибиряков, соответственно, молодым легче выстроить отношения в семье. По традиции того времени это большие, неразделенные – двух- и трехпоколенные кланы. Связано это с тем, что служба не располагала к самостоятельной жизни молодой семьи и укорененности: одна из важнейших функций служилых людей в XVII в. – устройство других городков и острогов.

Грамотность, склонность к «сочинительству» не удивительны – на польских и белорусских землях «братские» и «латинские» школы (как и в целом, книжная культура (на белорусских землях творили первопечатники Франциск Скорина и Иван Федоров)) были широко распространены, а шляхтичи получали хорошее домашнее образование, обучались и в европейских университетах, знали фортификацию и военное искусство. Попав в плен, а затем и в Сибирь, приняв православие и русские имена, иным шляхтичам удавалось сделать здесь карьеру, а вот рядовые «литовского списка» – лишь составить существенную часть служилых. Первое время лишь неспособных к службе или неблагонадежных «литвин» сажали в посад и раздавали «пашенным крестьянам для пашенного науку», откуда иные предпочитали бежать (6, с. 11).

«Литвинам» предстояло определиться в конфессионально-культурном выборе и ассимиляционной программе, поскольку специфика их жизни тому способствовала. Свидетельство – иерархия военно-служилого населения, отраженная в окладных книгах жалования, где первыми писались дети боярские, а вслед за ними (а то и вперемежку) упоминались «приказные» или «начальные люди»: головы (в т. ч. «татарские», которыми могли быть и «литвины»), ротмистры, сотники и атаманы. Потом следовали служилые «литовского списка». И лишь затем указывались новокрещеные, конные казаки, пешие казаки и стрельцы, пушкарки, а замыкали окладные книги юртовские служилые татары (7). Тем не менее, при подобном разделении «литвины» образовывали замкнутые группы (иногда возводя свои истоки к «ермаковым казакам»), культивируя семейные предания и сохраняя реликвию, но не всегда «природную» веру, поскольку не все являлись православными.

Тактика присутствия зависела от задач, но постепенно присоединена территория от Обской губы – на севере и до Кузнецкого острога – на юге. Это не означало, что здесь воцарились мир и спокойствие, а с потерями и лишениями в 1607 г. служилые и промышленники дошли и основали в месте впадения притока Турухан в Енисее первое на территории этой части современного

Красноярского края постоянное поселение – зимовье «у Николы на Турухане» (Новую Мангазею), а затем прошли на Средний Енисей, откуда «литвин» енисейский десятник Елисей Буза с отрядом дошел до Ледовитого океана (1, с. 18). С освоением Маковского волока началось активное продвижение по системе рек Обь – Кеть – Кемь – Енисей – Ангара, в котором приняли активное участие и «литвины». Фактически за 100 лет (при жизни двух поколений) присоединено и освоено более 10 млн км.

Нашему современнику вообще трудно представить это пространство Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, где лишь узкой полосой – по берегам рек Тура, Тобол, Иртыш, Обь, Енисей, Лена, Амур – жили новопоселенцы, а остальная территория локально заселена кочевыми племенами. Долго не прекращались их набеги, разорявших слободы и целые уезды [Щеглов]. Да и сама организация этого жизненного пространства складывалась непросто, ибо сибирская земля в начальные периоды ее освоения людьми, приходящими со «Святой Руси» (то есть с территории, освященной православным обычаем), воспринималась (и не только «литвой») как чужая территория («земля нечистая»), где трудно соблюдать требования веры.

Присоединение новых земель и их хозяйственное освоение происходило не по инициативе служилых, а по приказу правительства и воевод. На первом этапе освоения именно на служилых людях лежала забота о «сторожевой и станичной службе» на дальних заставах, разведка, оповещение о предполагаемых набегах кочевников, составления опросных речей и сказок о «неведомых землях», которые позже легли в основу картографических материалов и «сказок», в составлении которых, как грамотные люди, «литвины» приняли активное участие. Так, «литвин» Иван Текутьев в 1615 г. отправлен из Томска для поиска торговых путей в Китай, а после возвращения с его слов составлены «статейные списки», до сих пор являющиеся ценным источником сведений по истории Сибири и Китая (1, с. 22). Отец первого сибирского картографа, историка Семена Ремезова – Ульян поверстан в 1647 г. в службу в «казаки литовского списка», а уже через три года стал войсковым подьячим, после чего ездил в Степь к Аблаю-тайше с государственным жалованием, сукнами и вытребованным панцирем Ермака – за подчинение Москве. Попутно Ульян собирал сведения, которыми и потчевал сына по возвращении из дальних краев.

Осмисливая полученные сведения от отца и его сослуживцев, С. У. Ремезов попытался увидеть земной мир как движение. Река исторической жизни течет в его представлении не только в провиденциальном прямом русле, но имеет извивы и рукава. Русло может измениться, т. к. начинает действовать человеческий фактор в историческом движении. Благодаря С. У. Ремезову в 1713 г. появилось первое, достаточно точное изображение Авачинской губы.

Нередкой была посылка годовальщиков в восточные районы в новые остроги, гарнизоны которых не могли справиться со службой самостоятельно. Такая служба длилась по году, как правило, лишь в близко расположенных от своего гарнизона местах, а при «дальних посылках» служивые оставались в «годовальщиках» обычно по несколько (до 6–8 и более) лет; некоторые – навсегда.

Редко когда походы на восток и юг обходились без лишений, военных стычек и жертв: половину потерял отряд «литвина» А. Добринского (Добритцкого) и М. Васильева в наскоро срубленном острожке, осажденный «якутские орды многих людей» (3, с. 29). Отряд Попова первым прибыл на Камчатку, и, хотя почти все его участники погибли, сведения о самом большом восточном полуострове были получены, а затем, наряду с прочими, обобщены С. У. Ремезовым в 1701 г. в «Чертежной книге Сибири».

Служилые вообще часто привлекались в качестве рабочей силы, матросов, проводников, толмачей (да и сын боярский Н. Жадобский знал татарский и калмыцкий), для охраны многочисленных исследовательских экспедиций и выполнения ответственных поручений: метеорологических наблюдений, картографирования, сбора сведений исторического, этнографического, географического, геологического характера. Специально направлялись «литвины», как знакомые с горным делом, для поиска «серебряной руды» (10, с. 23).

Как далеко забрасывала судьба людей «литовского списка»? Они приняли участие в Великих географических открытиях: осваивали морские пути вдоль северо-восточных и восточных побережий Сибири, прошли Беринговым проливом, открыли Аляску (Д. И. Павлуцкий), Курильские острова (И. Козыревский, Евреинов) и ряд островов в Ледовитом океане (1, с. 5; 3, с. 48; 4). Конечно, не только «литве», а всем сибирякам принадлежит приоритет в определении границ и сфер политического и экономического влияния на Дальнем Востоке. Так, наблюдали Сахалин

«литвинские» сподвижники В. Д. Пояркова, вышедшие в устье Амура в 1644 г., а через 11 лет они вновь отправились туда для подчинения сахалинцев и сбора ясака, опередив японцев.

В соответствии с реформой в 1698 г. из «литвин», сибирских драгун и беломестных казаков сформировали Тобольский (с 1711 г. – Сибирский) драгунский гарнизонный полк, переименованный позднее в Якутский и передислоцированный в Забайкалье для охраны российско-китайской границы. Известно, что по «литовскому списку» в 1701 г. в Сибири проходило 2 019 чел. – это была их последняя перепись (1, с. 22).

При строительстве острожных стен первых городков освоители Сибири использовали разобранные ладьи. Так, из «ладейного дерева» срублена крепостная стена в Тобольске, обнаруженная во время археологических раскопок 2007 г. Бревно из той стены, стоящее в моем рабочем кабинете, когда-то было мачтой (на что указывает отверстие в его основании), к которой, возможно, прикасалась рука неведомого мне «литвина», приплывшего «за тридевять земель»...

1. Ермоленко В. А. Белорусы и Русский север. Минск, 2009. 392 с.
2. Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.]. Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2009.
3. История казачества Азиатской России: [в 3 т.]. Екатеринбург : НИСО Уро РАН, 1995.
4. История становления казачества в Зауралье и Сибири. Тюмень, 2004.
5. История Ямала: [в 2 т.]. Т. 1. Кн. 2. Екатеринбург : Баско, 2010. 327 с.
6. Клюева В. П. Иностранцы в Сибири // Национальное обозрение : этнографо-метод. сб. Тюмень, 2007.
7. Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988. 254 с.
8. Степанченко В. И. Казачьему роду нет переводу! Очерки истории казачества. СПб. : ООО «Полиграф Стайл», 2001. 224 с.
9. Тобольск. Материалы для истории: город XVII и XVIII столетий. М. : Типография М. Г. Волчанинова, 1885. 162 с.
10. Филь С. Г. Гуманитарные арабески о польском и русском наследии. Тюмень : Вектор Бук, 2010.
11. Щеглов И. Б. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Сургут : Северный дом, 1993.

СОКРАЩЕНИЯ

- АКМ Ги – Алеутский краеведческий музей (с. Никольское). Главная инвентарная книга
 АКО – Акционерное Камчатское общество
 АМАЭ – Архив Музея антропологии и этнографии (г. Санкт-Петербург)
 АН – Академия наук
 АРГО – Архив Русского географического общества
 БИ РАН – Ботанический институт РАН (г. Санкт-Петербург)
 БТТИ – Большое трещинное Толбачинское извержение
 ВМС – военно-морские силы
 ВНИИРО – Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии
 ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. Ленина
 ГАКК – Государственный архив Камчатского края
 ГАХК – Государственный архив Хабаровского края
 ГМС – гидрометеостанция
 ГПНТБ СО РАН – Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск)
 ГУНиО МО – Главное управление навигации и океанографии Министерства обороны
 ГУРККА – Главное управление Рабоче-крестьянской Красной армии.
 ГЭС – гидроэлектростанция
 Д – Документ
 ДВФАН – Дальневосточный филиал Академии наук СССР
 ДВФУ – Дальневосточный федеральный университет
 ЖБФ – жестяно-баночная фабрика
 ИБПС ДВО РАН – Институт биологических проблем Севера ДВО РАН
 ИВиС ДВО РАН – Институт вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения Российской Академии наук
 ИГиПМНС СО РАН – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской Академии наук
 ИНС – Институт народов Севера
 ИТР – инженерно-технические работники
 ИЭ – Институт этнографии
 КамГУ им. В. Беринга – Камчатский государственный университет им. В. Беринга
 КГПБЗ – Кроноцкий государственный природный биосферный заповедник
 КГПИ – Камчатский государственный педагогический институт
 КДО – Курильская десантная операция
 ККМ Ги – Камчатский краеведческий музей. Главная инвентарная книга
 ККМ НВФ – Камчатский краеведческий музей. Научно-вспомогательный фонд
 ККОД – Камчатский краевой онкологический диспансер
 ККОМ – Камчатский краевой объединенный музей
 ККОМ ОФ – Камчатский областной краеведческий музей. Основной фонд
 ККХМ – Камчатский краевой художественный музей
 КМНС – коренные малочисленные народности Севера
 КОКМ – Корякский окружной краеведческий музей (п. Палана)
 КРО РГО – Камчатское региональное отделение Русского географического общества
 КФ РУК – Камчатский филиал Российского университета кооперации
 КФ ТИГ ДВО РАН – Камчатский филиал Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской Академии наук
 Маг НИРО – Магаданский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии
 МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
 МГУЛ – Московский государственный университет леса
 МРС – морская рыболовная станция
 МУК ЦГБ – муниципальное учреждение культуры «Центральная городская библиотека»
 НА РС (Я) – Национальный архив Республики Саха (Якутия)
 НАРКОМЗЕМ – Народный комиссариат земледелия
 НИИГТЦ ДВО РАН – Научно-исследовательский геотехнологический центр ДВО РАН
 НКПП СССР – Народный комиссариат пищевой промышленности
 НКПС – Народный комиссариат путей сообщения
 ПТУ – профессиональное техническое училище
 ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление